

За кулисами

А его не пустили на сцену,
Городскую огромную сцену,
Где читают друзья-поэты
Откровенья своих стихов.

Он не праздничный, не по формату.
Он какой-то лохматый, помятый...
Вообще какой-то безумный...
И одежда с чужого плеча.

Он за сценой сидит и плачет,
На асфальте сидит и плачет...
Ну скажите, что это значит:
На асфальте плачет поэт?

Гнал чиновник почти на матах:
«Ты пришёл бы ещё в заплатах!
Существует культура сцены.
Это ж праздник, мать твою так!»

Отзвучали стихов откровенья.
И уже музыканты на сцене.
Прячут взгляда друзья-поэты
И скорее спешат уйти...

Только всё же, что это значит:
На асфальте сидит и плачет
Под глушители-фейерверки
Несалютный русский поэт?

Меня ты снова разбудил.
Мой мальчик чем-то недоволен?
Или твой танец – проба сил?
Твой первый крик: «Хочу на волю!»

Я улыбаюсь тишине.
И эта музыка блаженна.
О, Господи!
Ребенок мне
Позволил быть
Своей Вселенной.

Паганини

Играла девочка на скрипке.
О, Боже! Боже! Как она играла!..
Столетий разворачивала свитки
На паперти столичного вокзала.

И звук светился звонкой зыбкой нитью,
К нему, казалось можно прикоснуться.
Я задержал дыхание по наитью,
Чтоб вихрями веков не задохнуться.

И распахнул безмолвие вселенной
Священный трепет мотыльковых пальцев.
Витают Паганини вдохновенный,
Сумевший на столетья разрыдаться.

Гражданин огорода

Душевный обморок на девять нищих лет.
И эта хрень: художник должен быть голодным —
Крылатая, со взглядом подколодным,
Как нож в печенку...
Быть или не быть?

Я в эмиграции. В деревне. В огороде.
Ограды пограничные столбы.
Моя усадьба. Остальное — заграница.
Здесь Ватикан. Беда не достучится.
Я в танке, в гараже...
Или не быть?

Три сына-птенчика. Они не виноваты,
Что мать — поэт. И как ни тяжело,
Их нужно вырастить, поставить на крыло...
И без вопросов.
Гамлет отдыхает.

И я живу. Учусь доить корову.
Кормилицу люблю и ненавижу.
Душа надорвалась — навекат грыжа.
Корова это чувствует...
Вздыхает.

А Муза в коме. Выходить пытаюсь.
Глюкозы нет. Парное молоко.
Спокойно дышит. Ровно. Глубоко.
Все будет в норме —
Обещал Живаго.
А в телевизоре — Страна по трем каналам.
Орет попсу под вой сирен и Думы.
Нефть делят новотолстосумы.
Я в эмиграции. Я в танке.
В гараже...
Но видит птенчиков моих Страна-орлица.
Кровавые глаза военкомата.
Гражданский долг перед Страной, ребята...
Откуда он у граждан
Огорода?

Обратный отсчет

История страны моей — чуть свет —
Встает, как Феникс, из архивной пыли.
Чего не знали да еще забыли —
Возьми.
Наотмашь.
Больно.
По лицу.

Мой год рожденья – пражская петля.
Чернобыль в юности
Вонзился взглядом черным.
Следы войны – костями непогребенных...
ГУЛАГ, колхозы, Тоцк,
Афган, Чечня...
И ни отрезать,
Ни отмазаться,
Ни сжечь...
И ни ослепнуть,
Ни оглохнуть...
Я – не страус.
Жестоккой сказкой был
Мой алый парус.
И галстук пионерский
Мой – бермудский.
Несет еврей
Голгофы тяжкий крест.
И мне нести
Разрушенные храмы.
Мне от себя
Не смыться на Багамы,
Не спрятать паспорт
В ширину штанин.
Не вычеркнуть,
Не спрятаться –
А знать.
И все избыть, принять...
Хоть плачь в подушку.
И пожалеть страну,
Как мать-старушку.
Я – русская.
Несу мой русский крест.

Цветы и гвозди

Душа?.. Моя?.. Цветы и гвозди,
Гладью вышивка по кирзе.
Рвёт железо вода на морозе.
Всхлип свободы в забитом гвозде.

Но по-детски размазать слёзы.
Тяжесть век - вековая злость.
Просочится сквозь плаху мимоза,
Овивая ржавеющий гвоздь.